

ляло мой сонъ. Я тотчасъ же одѣлась и вышла въ столовую. Весь домъ былъ освѣщенъ и всѣ были на ногахъ. Люди съ озабоченными лицами бѣгали взадъ и впередъ. Въ столовой сидѣли мама, докторъ и другіе. Левъ Николаевичъ тоже пришелъ туда. Онъ былъ сильно взволнованъ и глаза были красны.

Къ сестрѣ меня не пустили. Подали шампанское, чай, и только къ утру все успокоилось.

Спустя нѣсколько дней мама отправила меня къ дѣдушкѣ въ Ивицы и, когда я вернуться недѣли черезъ двѣ, нашла сестру все еще нездоровой.

Это было тяжелое время для всѣхъ и особенно для сестры. Она долго болѣла, такъ какъ непремѣнно хотѣла сама кормить и, при своей неопытности, отдавалась съ самозабвеніемъ уходу за ребенкомъ.

Какъ ни тяжела была ей мысль взять кормилицу, однако это становилось необходимымъ. И Левъ Николаевичъ, врагъ наемныхъ кормилицъ, очень огорчился этимъ. Помню, какъ цѣлую ночь провозился онъ въ дѣтской и самъ неловкими руками поилъ ребенка изъ рожка. Вообще же Левъ Николаевичъ никогда не бралъ на руки крошечныхъ дѣтей.

Незамѣтно подошла осень, а съ нею пора охоты. Левъ Николаевичъ иногда бралъ ружье и шелъ въ лѣсъ за вальдшнепами, а чаще охотился съ борзыми. Охоту съ борзыми я особенно любила, такъ какъ принимала въ ней дѣятельное участіе.